

делало их службу привлекательной. Не случайно и в дальнейшем они постоянно жаловались на своё тяжёлое положение и разбегались с яма³³.

Таким образом, вследствие финансовых мероприятий 1654–1663 гг. положение сибирских ямщиков ухудшилось. Незначительные уступки, на которые вынуждено было пойти правительство, в целом не могли изменить ситуацию. Удар по благосостоянию ямщиков отрицательно сказывался на качестве отправляемых ими функций. Это, в свою очередь, сдерживало процесс освоения «закаменных» территорий.

---

³³ Там же, ф. 214, оп. 3, стб. 689, л. 263.

Православный приход в Якутии (XVII – начало XX в.)

Инна Юрганова

Превращение Московского княжества в могущественную евразийскую империю от Балтики до Тихого океана растянулось на несколько столетий и сопровождалось присоединением новых территорий, населённых различными этносами, и последовательным политико-административным освоением новых земель. Очевидно, что каждая территория, включённая в состав Русского государства, имела направленный вектор развития: собственно присоединение (установление русского подданства), постепенную инкорпорацию в структуру государства и ассимиляцию, трактованную как конечная цель¹. По отношению к полиэтничному, иноязычному населению этот процесс, как правило, был многовариантным и протяжённым по времени.

Государство начинало освоение восточных земель, их интеграцию в империю прежде всего политико-административными мероприятиями и военномобилизационными методами. Решение задач экономического и социокультурного освоения новых территорий отодвигалось на второй план, но именно эти решения призваны были в конечном итоге обеспечить выполнение стратегических целей государства – «приращение» новых территорий к России². Территория Якутии расположена в северо-восточной части азиатского континента. В XVII – начале XX в. в состав Якутского уезда (провинции, области) в разное время входили, помимо собственно территории Якутии, также Охотское побережье, Чукотка, Камчатка и часть Иркутской обл., населённые якутами, эвенками (тунгусами), эвенками (ламутами), юкагирами, чукчами, коряками и ительманами (камчадалами).

Ключевой фигурой процесса интеграции в Сибири являлся русский крестьянин-земледелец, который должен был сплотить империю и научить сибирского

© 2014 г. И.И. Юрганова

¹ Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / *Аксенов А.И., Никитин Н.И., Петров Ю.А., Рогожин Н.М., Тревалов В.В.* М., 2012. С. 421.

² *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М.* Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. С. 78, 86, 118.

инородца пахать, косить, строить дома, а также молиться и говорить по-русски. Поэтому важной частью колонизационного процесса в Сибири являлась переселенческая политика государств³. В Якутии на сибирскую специфику накладывались особенности проживания в условиях Крайнего Севера, выраженные, в том числе, и в иной ментальности населения. Русский крестьянин в Якутии не стал главным действующим лицом интеграции инородцев в империю, земледелие (за исключением Олёкминского округа) не получило широкого распространения. Здесь действовали другие механизмы, которые свидетельствовали о поливариантности царской политики, учитывающей реалии хозяйствования и быта народов, в том числе и особую роль православия. В условиях Якутии миссионерская деятельность православной Церкви стала первоначальным элементом инкорпорации северных народов в состав государства, следующим этапом оказалась деятельность православного прихода. Значительные территориальные пространства, низкая плотность населения, говорящего на своих языках, отсутствие упорядоченного транспортного сообщения определили особенности инкорпорации в якутском регионе.

Исследователи отмечали тесное взаимодействие между крестьянской общиной и органами государственного управления в условиях Сибири, так как «мир» являлся регулятором взаимоотношений власти и общества⁴. На территории Якутии в XVII–XVIII вв. выделяют две зоны компактного проживания русских: южная (побережье р. Лены от Витима до Якутска, поселения по р. Амга, на р. Мая и Вилюй) и северная (низовья рек Колымы и Индигирки)⁵. В 1675 г. в Якутском уезде проживало 106 пашенных крестьян, «которые пашут на государя... и поселены, главным образом, на Витиме, Пеледуде, Олёкме и Амге», т.е. в южных районах⁶. Во второй половине XVII – начале XVIII в. на севере (в низовьях Лены, Оленька, Яны, Индигирки, Колымы) из осевших здесь русских промышленников и казаков стала складываться группа населения, называвшаяся мещанами, но ведущая образ жизни рыбаков и охотников. Позднее сформировалось крестьянство – из числа тех же мещан, переписанных в крестьянство согласно законодательству Российской империи⁷. По итогам Первой всеобщей переписи (1897) основная часть населения Якутии была представлена сословием «инородцев» – 86.98%, из них якуты – 221 467 человек, тунгусы – 11 647, чукчи – 1 558, юкагиры – 948 человек. Немногочисленное русское население составляли государственные крестьяне, расселенные по рекам Лене, Олёкме, Амге и Вилюю для развития хлебопашества; ямщики, проживающие по станциям Якутского и Охотского трактов; ссыльные, в том числе и по религиозным мотивам. К концу XIX – началу XX в. в области существовало земледелие, но по итогам переписи оно являлось основным занятием только для 3 058 якутов⁸.

³ *Петрушин Ю.А.* Опыт теоретико-методологического анализа научного творчества профессора Л.М. Дамешка // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – начало XX в.). Иркутск, 2008. С. 17, 19.

⁴ *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

⁵ *Строгова Е.А.* Образование этнической территории и формирование постоянного русского населения на севере Якутии в XVII–XVIII вв. // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Материалы Всероссийской конференции. Тюмень, 26–30 марта 2012 г. Тюмень, 2012. Вып. 2. С. 288–289.

⁶ *Попов Г.А.* Сочинения. Т. 1: История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области. Очерки по истории Якутии. Якутск, 2013. С. 59.

⁷ *Строгова Е.А.* Указ. соч. С. 288–289.

⁸ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905.

Представительство управленческих структур также было немногочисленно, лишь в воеводском (областном) центре располагались государственные учреждения. В уездах (комиссарствах, округах), протяжённость которых составляла тысячи вёрст, государственная власть осуществлялась десятком чиновников и полицейских, многие из которых за долгие годы службы никогда не встречались с кочующими родами, проживавшими на вверенной им территории⁹.

Составной частью имперской политики в Сибири являлась конфессиональная. Во всех мероприятиях, проводимых государственной властью, учитывалась политическая и социокультурная значимость распространения православия¹⁰.

В XVII–XVIII вв. приходские объединения Якутского края находились на стадии становления, и миссионеры-священники не знали ни численности населения прихода, ни его территориальных границ. Большинство храмов в Якутии строились и содержались на государственные средства¹¹. Немногочисленное духовенство края изначально также финансировалось государством, оно не было зависимо от прихожан: источники сохранили «памяти» 1646–1654 гг. «о выдаче попам и служилым людям Якутского острога» хлебного жалованья и расписки (отписки) в его получении¹².

В XVIII в. приходская организация подверглась и государственной, и церковной бюрократизации. Синод установил зависимость приходов от количества проживающих (по числу дворов). Приходская община в составе 100–150 дворов получила статус одноприходной, 200–250 дворов – двухприходной и 250–300 дворов – трёхприходной. Малочисленные приходы рекомендовалось упразднять, приходы в 200 и более дворов могли быть разделены на два. Подобная регламентация могла быть оправдана для густонаселённой территории Центральной России и её западных областей. Однако для Якутии, где на огромных просторах проживало немногочисленное население, часть из которого вела полукочевой и кочевой образ жизни, данные распоряжения привели бы к значительному сокращению количества приходов. В исторических источниках не установлено фактов закрытия якутских приходов, и, видимо, в связи с небольшим количеством храмов и отсутствием точных данных о численности населения им удалось избежать ликвидации, тогда как в целом по Восточной Сибири в 1723 г. началась регламентация приходов. Тогда же жители населённых пунктов были приписаны к приходским церквям. В это же время устанавливался контроль за соблюдением треб, когда священник не имел права совершать обряды для прихожан другого прихода без специального разрешения епархиального архиерея. На территории Якутии данное правило стало нормой только в XIX в., ранее в условиях христианизации местного населения приходские священники выполняли миссионерские обязанности, а границы приходов были условны.

Новые приходы возникали в процессе освоения территорий и в результате деления созданных ранее приходских общин. Источники позволяют составить представление о темпах храмового строительства. Согласно «Ведомости

⁹ Сафронов Ф.Г. Якуты. Мирское управление в XVII – начале XX в. // История Северо-Восточной Азии: XVII – начало XX в. Новосибирск, 2010. С. 546–580.

¹⁰ Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Сенина Е.А. Образ «инородцев» на страницах периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Иркутск, 2007. С. 24–25.

¹¹ Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 4.

¹² РГАДА, ф. 1177, оп. 3, ч. 1, д. 748, л. 121–129; ч. 2, д. 990, л. 32–100; д. 991.

о числе церквей Якутского заказа» за 1806 г., в Якутском уезде действовало 19 приходских церквей (по духовному сословию учтено 314 человек, из которых 148 мужского и 166 женского пола; необходимо учитывать, что эта цифра включала и детей духовных лиц) и один монастырь. В 1852 г. число храмов возросло до 22; в 1870 г., первый год деятельности самостоятельной Якутской и Вилюйской епархии, – 37; в 1897 г. – 90; в 1901 г. – 110 церквей¹³. Следует отметить, что территория епархии была значительно больше административных границ Якутской обл. и к концу XIX в. включала также Охотский округ Камчатской обл., Чукотку и территорию золотых приисков, прилегающих к г. Бодайбо Иркутской губ. В 1919 г., в последний год своего существования, епархия осуществляла контроль за деятельностью 134 церквей¹⁴.

К началу XIX в. имеются следующие данные о расположении приходских храмов Якутской епархии и численности приписанных к ним прихожан (табл.).

Как видно из таблицы, женщин среди прихожан в этот период было уже ненамного меньше, чем мужчин (соответственно, 43 359 и 44 793 человек), что подтверждает успехи христианизации. Самым многочисленным в начале XIX в. являлся приход Сунтарской Введенской церкви (14 560 прихожан), обслуживающий Вилюйский округ – одну из первых христианских территорий края. Весьма «многолюдными» двух- и трёхклирными были также Верхне-Вилюйский и Амгинский приходы (соответственно 11 329 и 8 393 человек). Постепенно, в связи со строительством новых православных храмов, происходило перераспределение населения к вновь открываемым приходам. Видимо, именно этим объясняется тот факт, что менее всего верующих зафиксировано в приходе Спасского монастыря, действовавшего с 1663–1664 гг.

В 1828 г. Иркутской духовной консисторией рассматривался проект перераспределения инородцев и крестьян Якутской обл. по приходам¹⁵. Участвовала в определении границ якутских приходов и светская власть. В том же 1828 г. якутский областной начальник Н.И. Мягков подписал «Ведомость, показывающую, сколько при каждой церкви полагается приходов, по числу оных священников и в какое время подлежит делать священникам в приходы выезды»¹⁶. В этом документе указывались обязанности священников и отмечалось, что «Его преосвященство распределяет священников согласно их заслугам», т.е. служение в лучших (городских и пригородных) приходах считалось поощрением¹⁷. Границы приходов не должны были изменяться без особых причин, запрещалось выделение из них «особых частей». Кроме того, предусматривалось создание 44 приходов, клир которых должны были составлять 40 священников и 44 причетника.

Так, в составе Олёкминской Спасской церкви создавалось 6 приходов, которые обслуживали три священника и шесть причетников, т.е. один священник причислялся к двум приходам. Подобное было недопустимым в центральных

---

¹³ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее – НА РС(Я)), ф. 225-и, оп. 1, д. 30; ф. 226-и, оп. 1, д. 27, л. 11; д. 2561; оп. 2, д. 2, л. 23–29; д. 79, л. 74; д. 1826, л. 41; ф. 521-и, оп. 1, д. 21.

¹⁴ Там же, ф. 226-и, оп. 9, д. 1, 11, 19, 20, 26, 28, 29, 30, 32, 41, 42, 43, 47, 48, 55, 56, 57, 72, 88, 108, 113, 120, 126, 128, 130, 133, 134, 135, 138, 140, 142, 143, 149, 151, 156, 167, 183, 189, 210, 212, 350.

¹⁵ Государственный архив Иркутской области (далее – ГА ИО), ф. 50, оп. 1, д. 500.

¹⁶ Там же, д. 142.

¹⁷ Там же, л. 78.

Ведомость о числе церквей Якутского заката. 1806 г.*

Церковь	Количество дворов прихода	Число прихожан		Число духовного сословия (в том числе детей)	
		муж.	жен.	муж.	жен.
Соборная Троицкая**	480	3 042	2 535	20	15
Градская Николаевская**	237	2 156	1 703	11	10
Градская Преображенская**	225	1 677	1 688	9	9
Градская Богородско-Рождественская**	300	2 705	2 403	4	2
Градская Предтеченская**	211	1 745	1 662	6	2
Якутский Спасский монастырь**	47	105	114	3	3
Кангаласская Покровская	315	2 633	3 247	5	7
Олёкминская Спасская	880	3 050	2 900	10	11
Намская Предтеченская	244	2 075	1 955	6	11
Борогонская Вознесенская (строящаяся)	445	3 414	3 133	7	6
Амгинская Преображенская	260	4 337	4 056	7	14
Удская Николаевская		Нет данных			
Верхне-Вилойская	552	5 602	5 727	13	18
Николаевская					
Сунтарская Введенская	2 415	7 162	7 398	24	23
Жиганская Николаевская	200	1 140	1 035	7	7
Охотская Преображенская		Нет данных			
Гижигинская Спасская	123	775	757	4	6
Зашиверская Спасская	209	1 791	1 637	3	7
Средне-Колымская	171	901	893	5	5
Покровская					
Нижне-Колымская Спасская	130	483	516	4	8

* НА РС (Я), ф. 225-и, оп. 1, д. 30.

** Храмы находились в г. Якутске.

российских епархиях, так как священник должен служить и окормлять один вверенный ему приход, но специфика Якутии, а также хроническая недостаточность духовных кадров диктовали особые условия служения. В двух приходах Верхоянской Благовещенской церкви числилось более 6 тыс. человек, проживавших разрозненно на значительном расстоянии от храма, и остаётся только предполагать, как причт, состоящий из двух священников и двух причетников, мог в течение одного года посетить всех¹⁸. В то же время в крае имелись и малочисленные приходы. В прошении священника Удской Николаевской церкви А. Конюхова за 1815 г. отмечается, что «в приходе в настоящее время жителей 12 человек... были четыре тунгусских наслеха... после уничтожения в Удском комиссарства и вывода воинской команды... удалились за 600 вёрст... и никогда оттуда не приезжают»¹⁹. В подобных случаях духовные власти проявляли гибкость. Так, о. А. Конюхов был перемещён на служение в Амгинскую церковь третьим священником с оставлением за ним и служения в Удском приходе.

Выезды священников для окормления своей паствы должны были осуществляться по утверждённому духовными властями графику с разрешения

¹⁸ Там же, л. 72–77.

¹⁹ НА РС(Я), ф. 225-и, оп. 1, д. 94.

областного начальства, предоставлявшего подводы. Во время объездов разрешалось брать с собой представителей гражданской власти: «К больным и бедным... и немогущим явиться в сборные места, выезжать в их дома вместе с десятником»²⁰. В «Ведомости, показующей, сколько при каждой церкви полагается приходов...», указан 21 храм и имеется график поездок священников²¹. Допускались и отступления от установленных сроков объездов. Выезд священника Удской Николаевской церкви в стойбища дозволялось совершать «зимним путём в два года один раз и токмо в таком случае, если в продолжение двух лет не явится никто из инородцев в острог произвольно», иереям первого прихода Верхне-Виллюйской церкви, к которому были причислены тунгусы Шелогонского рода и кочующие тунгусы, предписывалось выезжать к прихожанам через год по предварительному согласованию²².

Спецификой Восточной Сибири в целом и особенно Якутского края была разбросанность населённых пунктов. Классифицируя приходские общины Восточной Сибири в целом, Н.Д. Зольникова выделяет несколько типов приходских общин: городскую, сельскую, заводскую, приход с центром в крепости и общину крещённого коренного населения Сибири²³. Для Якутии характерны были общины трёх типов: городская, сельская и крещённого местного населения. Первый тип, сложившийся после реформы по разделению Сибири 1822 г., был представлен населением областного и окружных центров, где вслед за образованием самостоятельной Якутской и Виллюйской епархии местные храмы получили статус соборных церквей. Наиболее многочисленными являлись приходские общины, состоявшие из местного населения. С типом сельской приходской общины соотносятся в основном приходы южной и центральной Якутии, где население (в том числе и местное) вело оседлый образ жизни. Таким образом, приходские общины в составе местного населения мы можем отнести как к городским и сельским приходским общинам, так и к общинам крещённого коренного населения (по типологии Зольниковой), в зависимости от их образа жизни. В 1822 г. был издан «Устав об управлении инородцев», который регулировал правовые отношения коренного населения Сибири, разделённого на три разряда – оседлые, кочевые и бродячие²⁴. Якуты были отнесены ко второму разряду кочевых инородцев, эвены, эвенки и юкагиры – к кочующим (бродячим).

Городские приходы функционировали во взаимодействии со светской администрацией. В сельских приходах и в приходах кочевого населения наиболее важные вопросы взаимодействия клира и паствы (строительство и ремонт храмов, выборы церковного старосты и др.) решались на общинных сходах, протоколы (приговоры) которых являлись основанием для дальнейших действий. Состав приходского схода зависел от типа общины. В сельской местности он был связан со сходом крестьянской общины, на северо-восточных территориях – с собранием родовой общины.

Природные и климатические условия определили специфику приходской жизни Якутии. В Центральной и даже Западной Сибири в приходе православного храма находились, как правило, несколько деревень на расстоянии не

²⁰ ГА ИО, ф. 50, оп. 1, д. 142, л. 78.

²¹ Там же, л. 72–77.

²² НА РС(Я), ф. 225-и, оп. 1, д. 94.

²³ Зольникова Н.Д. Указ. соч. С. 6.

²⁴ ПСЗ-1. Т. 38. СПб., 1830. № 29. С. 394–416.

более 10–15 вёрст. Якутский же приход – это огромный округ, где население проживало на большом расстоянии друг от друга (по несколько юрт). Священнику приходилось совершать длительные поездки по территории прихода, отлучаясь от храмовых служб на несколько месяцев. Подобные условия служения требовали особой пастырской практики. Приходской священник являлся одним из немногих грамотных и образованных людей, с мнением которого считались. Восприятие веры населением было связано, прежде всего, с личностью духовного пастыря, его моральными качествами. Условия служения в Якутии можно назвать чрезвычайными. Поэтому, безусловно, деятельность многих православных пастырей вызывала уважение у местного населения. Например, в 1814 г. на имя епископа Иркутского, Нерчинского и Якутского Михаила (Бурдукова) поступило прошение от князьца Нахарской волости Кангаласского улуса М. Кардашевского с просьбой о награждении архипастырской благодарностью священника Кангаласской Покровской церкви Т. Дьячковского за «усердную службу». В прошении, к которому были приложены именные печати ещё четырех князьцов, отмечалось, что священник Дьячковский «посещает почти каждый дом... своей добродетельностью поставляет пример трудолюбия и обратил сердца тысячи душ». Указом Иркутской духовной консистории он был награждён набедренником²⁵.

Имели место и случаи недобросовестного отношения к своим обязанностям. В 1806 г. после письма Верхне-Вилуйского частного комиссара об отказе священника от «увещевания» обвиняемого, было принято специальное распоряжение Якутского духовного правления с напоминанием священнослужителям об обязательном выезде для исполнения треб²⁶.

Неисследованной остаётся хозяйственная функция православных приходов Якутского края. Строительство, перестройка и ремонт церквей производились с разрешения епархиального архиерея, на основании ходатайства или просьбы от прихожан и оформлялись общественным приговором (решением) с визой гражданских властей округа или наслег. Прихожане помимо этого брали на себя обязанности по строительным расходам, благоустройству и содержанию церкви, а также предоставлению домов (или квартир) и земельных участков для церковного клира. Городской (сельский) общественный сход или сход общины распределял раскладку сумм на строительство или ремонт храма, утверждал наделение клира земельными угодьями и кандидатуру церковного старосты²⁷.

Благополучие прихода зависело и от деятельности церковного старосты. На должности старост церквей Якутии избирались уважаемые и почётные инородцы, которые не только регулировали приходскую деятельность, но и нередко за свой счёт приобретали для храмов иконы и утварь, а также священнические облачения. Как светская власть при организации управления опиралась на местные элиты, так и духовенство использовало местную аристократию – родоплеменную верхушку общества – для упрочения своей деятельности. Старосты обеспечивали сбор средств и контроль за проведением ремонтных и строительных работ в храмах и совместно с причтом организовывали приём епископа со свитой во время архиерейских визитов. Помимо этого, старосты, как уважаемые люди, являлись примером для прихожан в отношении соблю-

²⁵ ГА ИО, ф. 50, оп. 1, д. 1643.

²⁶ НА РС(Я), ф. 225-и, оп. 1, д. 25.

²⁷ Юрганова И.И. История Якутской епархии (деятельность духовной консистории). Якутск, 2007. С. 24–25.

дения православных традиций. В 1869 г. императорским указом была установлена форменная одежда для церковных старост, в том числе мундир чиновника X класса для старост соборных и приходских церквей уездных городов и сельских церквей²⁸. К середине XIX в. во всех городских церквях Восточной Сибири и Якутии имелись избранные церковные старосты и караульные для отопления и охраны храмов. В большинстве сельских церквей жители выбирали трапезника для поддержания чистоты в храме и караульного. Как правило, эти обязанности исполнял один человек, которому добровольно помогали все прихожане. Жители же предоставляли храмам дрова для отопления.

Архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий (Вениаминов) неоднократно ходатайствовал перед Синодом об изменениях в отношении церковных старост для Якутской епархии, поскольку выполнение этих обязанностей там было связано с трудностями: прихожане, часто проживая на значительных расстояниях от церкви, в основном были неграмотны и не могли заполнять церковные книги и составлять отчёты. Архиепископ просил об освобождении прихожан области от выполнения обязанностей церковного старосты, предлагая вместо этого собирать с паствы по общему согласию денежный взнос (до 60 руб.) и передать составление церковных отчётов и хозяйственных дел одному из членов причта. В городах и тех приходах, где выполнение обязанностей церковного старосты не вызывало затруднений, всё должно было соответствовать общему положению. Указом Св. Синода от 30 ноября 1862 г. разрешалось заменять избрание церковного старосты в Якутской обл. денежным сбором, гарантировавшим причту дополнительный доход²⁹. Тем не менее в утверждённой императором в 1890 г. синодальной «Инструкции церковным старостам» не содержалось указаний на то, что церковные старосты должны вести церковные приходо-расходные журналы, а приход оплачивать причту ведение документации, в связи с чем в конце XIX в. делопроизводство прихода стало одной из обязанностей священников³⁰.

Одним из социальных направлений деятельности православной Церкви была благотворительность, выражавшаяся в разнообразных формах: от милостыни и просветительской деятельности до выдачи в долг денег, сена, хлеба и т.д. Основанием приходской благотворительности являлась внутренняя сплочённость паствы: большинство людей в приходе знали друг друга, были осведомлены не только о материальных нуждах соседей, но и об их нравственных качествах, так как именно в церкви прихожане встречались и обсуждали новости.

В 1864 г. император Александр II утвердил «Положение о приходских попечительствах при православных церквях». Задачами попечительств являлись благоустройство церкви, обеспечение благосостояния причта, организация первоначального обучения детей и благотворительная деятельность³¹. Приходские попечительства были призваны стать благотворительной организацией, обслуживающей одновременно интересы клира и прихожан. В Якутской епархии приходские попечительства стали создаваться с 1880-х гг., в их состав входили

²⁸ ПСЗ-III. Т. 10. СПб., 1893. № 6923. С. 465–470.

²⁹ НА РС(Я), ф. 12-и, оп. 2, д. 2108, л. 14–15.

³⁰ Юрганова И.И. Указ. соч. С. 465–470.

³¹ Катцина Т.А. Приходская благотворительность в Енисейской губернии // Церковь и государство: прошлое и настоящее. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Красноярск, 2001. С. 17–22.

непременные члены (приходской священник, псаломщик и церковный староста) и выборные из числа наиболее уважаемых прихожан. Средства попечительств составляли членские взносы, добровольные пожертвования, кружечные сборы церквей и проценты от церковных капиталов. Следует отметить, что «Положение о приходских попечительствах» не имело целью направить деятельность попечительств на филантропию, а напротив, предоставляло им полную свободу выбора между заботой о надобностях церкви с причтом и попечением или материальной помощью бедным прихожанам. На практике же попечительства отдавали предпочтение, как правило, интересам церкви. Кроме того, якутские приходские попечительства занялись «устройством» обучения детей. От средств, собранных ими, во многом зависело содержание церковно-приходских школ и школ грамоты. Это касалось вопросов приобретения и содержания школьных зданий и пансионов, так как финансирование преподавательской деятельности, приобретение учебной литературы и пособий осуществлялось епархиальным Училищным советом, созданным в ноябре 1889 г.³²

Эффективность приходской благотворительности зависела и от инициативы духовенства, т.е. размеры сборов попечительства были прямо пропорциональны усердию причтов и настоятелей. В Якутской епархии к началу XX в. приходские попечительства были открыты в 13 приходах, в том числе в двух городских (Градо-Якутских Николаевской и Преображенской церквях)³³. Интересно, что из 280 прихожан Градо-Якутского Преображенского храма 28 (т.е. $\frac{1}{10}$ часть) являлись членами приходского попечительства. В большинстве храмов попечительства создавались одновременно или вслед за созданием церковно-приходских школ и школ грамоты как гарантия их деятельности. Активная деятельность попечительств наблюдалась только в некоторых якутских приходах. Так, на средства открытого в 1900 г. приходского попечительства Верхоянского Благовещенского собора в 1904 г. был построен новый деревянный дом для настоятеля собора, в 1909 г. приобретена юрта для проживания псаломщика³⁴. Вместе с тем имели место и случаи прекращения деятельности попечительства, в том числе из-за отсутствия членов. В 1890 г. было образовано приходское попечительство Сотгинской Покровской церкви, но просуществовало оно лишь до 1897 г.³⁵

Особое значение для помощи неимущим имело развитие системы приходских попечительств в сельской местности, так как все благотворительные учреждения были сосредоточены в Якутске. В условиях отсутствия органов и учреждений земства на территории Якутской обл. приходские попечительства могли рассчитывать только на организационную деятельность местных причтов, которые были заняты, прежде всего, исполнением своих прямых обязанностей: священнослужением, церковным хозяйством, преподавательской работой в церковно-приходских школах и школах грамоты, заботами о хлебе насущном. Поэтому благотворительность оставалась, за редким исключением, вне поля деятельности приходского клира.

Православные каноны предусматривают обязательное посещение верующими церковных служб и участие в церковных таинствах. Специфика северных условий проживания обуславливала нечастое посещение храма прихожанами,

---

³² НА РС(Я), ф. 226-и, оп. 9, д. 11, 128.

³³ Там же, д. 11, 43, 128.

³⁴ Там же, д. 149, л. 72.

³⁵ Там же, д. 133, 140.

большинство из которых, очевидно, имели возможность общения со священником один-два раза в год. Разумеется, жители Якутска и окружающих центров, проживая в непосредственной близости от храма, являлись более дисциплинированными прихожанами. Кроме того, постепенно зарождалась традиция празднования православных праздников – Рождества, Пасхи, Покрова Пресвятой Богородицы и др., которые собирали и объединяли паству³⁶.

Контроль за посещением исповеди и причастия осуществляло духовное правление, ежегодно получавшее исповедные росписи и сведения о тех, кто не участвовал в таинствах. Изучение исповедных росписей, с середины XVIII в. ставших обязательной формой отчётности причтов, позволяет охарактеризовать отношение прихожан Якутской обл. к своим обязанностям (впрочем, порой случалось, что приходским клиром делались приписки числа исповедующихся). Росписи Средне-Колымской Покровской церкви, приход которой охватывал значительную территорию северо-востока Якутии, содержат сведения о 2 988 прихожанах в 1828 г., 3 544 – в 1849 г. и 1 901 прихожанах в 1861 г.³⁷ Снижение численности последних в середине столетия объясняется строительством православных храмов на Колыме и отчислением к ним прихожан данной церкви.

В 1828 г. из 2 988 прихожан, согласно исповедным росписям, лишь 243 (8.1%) были на исповеди и причастии, 1 865 прихожан (62.4%) посетили только исповедь и неисповедовавшимися остались 880 человек; в том числе 366 (12.2%) «по малолетству» (дети до 7 лет) и 514 (17.2%) «за нерадением»³⁸. В 1849 г. из 3 544 прихожан исповедовались и причастились 165 (4.6%), только исповедовались 1 579 (44.6%), не исповедовались 1 800 человек; из них 586 (16.5%) – «по малолетству» и 1 214 (34.2%) – «по нерадению»³⁹. Таким образом, за два десятилетия, при возросшей численности прихожан данного храма, уменьшилось количество посетивших исповедь и причастие и, соответственно, увеличилось число прихожан, не посещающих храм «по нерадению». Замечу, что полное название данной графы исповедной росписи – «за старостью и нерадением». По сведениям приходских священников, подобное «нерадение» зачастую объяснялось не откровенным нежеланием посещения церкви, а «дальностью пути», «скудостью», «наготою и босою»⁴⁰. Кроме того, как доносили в начале XX в. якутскому губернатору В.Н. Скрыпицыну окружающие исправники, некоторые священно- и церковнослужители брали плату за исповедь, что также служило одной из причин непосещения храма⁴¹.

В течение XIX столетия изменились и социальные характеристики колымских прихожан. В 1828 г. состав прихожан Средне-Колымского прихода был следующим: ясачные якуты, ламуты и юкагиры – 2 857 человек (95.6%), мещане – 85 (2.8%), чиновники и их семьи («штатские») – 18 (0.6%), духовенство – 16 (0.5%), крестьяне – 12 (0.4%)⁴². К середине XIX в. по-прежнему подавляющее число прихожан – 3 238 (91%) составляли якуты, юкагиры и ламуты, но изменилось соотношение других групп населения: духовенство – 10 (0.2%), чиновники («штатские») – 32 (0.9%), купцы и мещане – 86 (2.4%), казаки и

³⁶ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 988, 1431, 1968, 2314.

³⁷ НА РС(Я), ф. 225-и, оп. 3, д. 15, 269, 389.

³⁸ Там же, д. 15.

³⁹ Там же, д. 269.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, ф. 12-и, оп. 2, д. 3454, л. 4–12. Подробнее см.: Юрганова И.И. Указ. соч. С. 76.

⁴² НА РС(Я), ф. 225-и, оп. 3, д. 15.

крестьяне – 178 (5%). Увеличение численности чиновничества свидетельствует о некотором росте бюрократического аппарата в округах Якутской обл., где появились также представители купечества и, несмотря на суровые колымские условия, возросла численность казаков и крестьян.

Прихожанами Кангаласского Покровского храма, расположенного в центральной Якутии, недалеко от Якутска, в 1838 г. являлись 4 479 человек, проживавших в 213 дворах. Из них на исповеди и причастии не были 746 прихожан (16.6%)⁴³. В 1849 г. численность прихожан возросла до 8 225 человек, проживавших в 19 домах и 470 якутских юртах, из которых 1 906 (23.1%) не посещали исповеди и причастия⁴⁴. Очевидно, что близость Кангаласского храма к Якутску – центру духовного просвещения края – и оседлый образ жизни прихожан предоставляли большие возможности для регулярного посещения храма и исполнения христианских обязанностей.

По понятным причинам проблему «охлаждения» паствы к православию духовные лица старались решать на местах, не ставя в известность органы церковного управления. Этим объясняется незначительное количество документации, свидетельствующей о неисполнении прихожанами своих обязанностей (исповедь, причастие и т.д.). Из немногочисленных документов можно отметить рапорт протоиерея Сунтарской Введенской церкви Попова (1795), в котором обращается внимание на «уклонение от православной веры новокрещённых якутов и тунгусов в первобытное идолопоклонничество»⁴⁵. Священник просит разъяснения своих полномочий и указывает на массовый характер этого явления.

Согласно Указу Синода от 17 марта 1809 г., новокрещённые должны были «воздерживаться от шаманства, сохранять христианскую веру, ежегодно приходить к исповеди и святому причастию и приносить ко святому крещению новорожденных, в том числе и незаконнорожденных»⁴⁶. Однако никаких реальных средств контроля над паствой священники не имели. Согласно «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. предписывалось не подвергать их «никаким взысканиям, если они, исповедуя христианскую веру, окажутся по невыполнению и упущению церковных обрядов». Священнослужители должны были добиваться исполнения церковных обрядов не строгими мерами, а увещаниями и разъяснительной работой⁴⁷. В рапорте якутского священника Слепцова от 1825 г. сообщается о случаях обращения прихожан к шаманам, о многожёнстве родоначальников – «нет никакого в том воспрещения от местного начальства: ни от голов, ни от волостных старост, ни от старшин»⁴⁸. Однако указания священно- и церковнослужителям в подобных ситуациях оставались прежними: «пороки прихожан исправлять любовью можете и обязаны»⁴⁹. В 1837 г. в Иркутской духовной консистории был рассмотрен рапорт Якутского духовного правления о мерах, принятых «к побуждению якутов исполнять христианские обязанности», среди которых на первом месте оставались убеждение и личный пример духовенства⁵⁰.

⁴³ Там же, л. 112.

⁴⁴ Там же, д. 268.

⁴⁵ ГА ИО, ф. 50, оп. 1, д. 543.

⁴⁶ НА РС(Я), ф. 10-и, оп. 1, д. 10, л. 59–67 об.

⁴⁷ ГА ИО, ф. 50, оп. 1, д. 142, л. 78.

⁴⁸ НА РС(Я), ф. 225-и, оп. 1, д. 337.

⁴⁹ ГА ИО, ф. 50, оп. 1, д. 142, л. 78.

⁵⁰ Там же, д. 4770.

«Охлаждение к вере» отмечалось и светскими властями. Например, в 1836 г. иркутский губернатор А.Н. Евсевьев писал якутскому областному начальнику И.Д. Рудакову: «В проезд мой по Якутской области и в бытность в городе Якутске [замечено], что жители русского происхождения... охладели к религии»⁵¹. Губернатор предписывает начальнику области установить «строгий надзор за соблюдением церковных обязанностей и с тем, чтобы христианство преуспевало более»⁵². Таким образом, вопросы отношения населения к религии являлись заботой не только духовных, но и светских властей области, что подчёркивает государственный характер распространения и укрепления православия в Восточной Сибири.

Специфика утверждения православной веры в Якутии отражалась и на участии местного населения в церковных обрядах. В рапорте священника походной Николаевской церкви Дмитрия Васильевича Хитрова (впоследствии первого епископа Якутского и Вилюйского) отмечено, что жители Верхоянья самостоятельно проводят обряды крещения младенцев «не сообразно с правилами церкви». Здоровых младенцев «погружают несведующие якуты, что невозможно отождествлять с обрядом крещения». О. Дмитрий указывал, что многие инородцы не знают православных имён своих близких и что «этот порок существует во всех приходах Якутской области и зависит главным образом от того, что приходские священники при крещении нарекают им... мудрёные имена из московских святцев. Не умея выговорить такие имена... якуты вынуждены... давать... иные приватные имена по большей части языческие и ругательные»⁵³. Данная особенность была характерна для Якутской обл. и существовала преимущественно в северных округах, до начала XX в. Разумеется, подобное «крещение» не может быть отождествлено с церковным таинством, но является свидетельством того, что в представлении местного населения оно было уже обязательным элементом.

Самым распространённым нарушением церковных канонов являлось венчание несовершеннолетних. Территориальная отдалённость храмов, языческая приверженность к многожёнству, обусловленная экономическими причинами, приводили к сожителству без церковного освящения и раннему вступлению в супружеские отношения. В письме протоиерея Сунтарской церкви Попова на имя епископа Иркутского Вениамина (Багрянского) (1799) указывалось, что крещённые якуты продолжают иметь по нескольку жён и наложниц и вместе с ними приходят в храм⁵⁴. Согласно обычному праву, у якутов «сговор» на венчание происходил в младенческом возрасте будущих супругов. Между тем основой брачного права в России была православная этика. Указом Синода 1830 г. устанавливался возраст для вступления в брак, который должен был совершаться по взаимному согласию, без принуждения: для мужчин – 18, для женщин – 16 лет. Указом от 11 мая 1857 г. в исключительных случаях епархиальным архиереям предоставлялось право по своему усмотрению разрешать браки, если жениху или невесте до совершеннолетия оставалось не более полугода⁵⁵. Поэтому родители умышленно прибавляли к действительному возрасту вступающих в брак «от 1 до 4 лет и таким образом приводят к венцу невест

⁵¹ Там же, ф. 24, оп. 3, д. 304, л. 1–1 об.

⁵² Там же, л. 12.

⁵³ НА РС(Я), ф. 225-и, оп. 1, д. 1048, л. 1–2 об.

⁵⁴ ГА ИО, ф. 50, оп. 1, д. 543, л. 2.

⁵⁵ НА РС(Я), ф. 225-и, оп. 1, д. 1925.

12 и 13 лет, а женихов 15 и 16 лет, а требовать от них метрические свидетельства совершенно невозможно из-за отдалённости церквей от места жительства большей части якутов и трудности переездов»⁵⁶.

Законным свершителем брака являлся приходской священник. Желая вступить в брак должен был предварительно письменно сообщить о своём намерении приходскому священнику и только после испытания жениха и невесты в знании основных истин христианской веры происходило оглашение, которое проводилось трижды. Его смысл состоял в опросе присутствующих для выяснения препятствий к браку. В Указе Синода от 13 февраля 1863 г. устанавливалось, что поскольку «прихожане Камчатской епархии (в состав которой входила в 1852–1869 гг. Якутия. – *И.Ю.*) в большинстве своём не могут в точности исполнять правила для вступления в брак в связи с отдалённостью проживания их от церкви, то возможно разрешать браки инородцев с соблюдением тех из установленных законом правил, которые будут возможны, учитывая местные условия»⁵⁷. Так, обычно венчание совершается в храмах, но в Якутии священник мог проводить это таинство либо в часовне, либо в одной из юрт. Существовали ограничения во времени венчания – дни постов и церковные праздники. Указом Синода от 20 декабря 1905 г. было определено, что якутские священники имеют право совершать браки и в «дни поста... но лишь в крайних случаях... о каждом таком случае доводить до сведения епархиального архиерея с объяснением обстоятельств»⁵⁸.

Исследователи отмечали, что «у якутов нельзя искать однообразных правил брака и одинаковых юридических последствий брака.... В тех местах Якутского, Вилюйского и Олёкминского округов, которые находятся под постоянным влиянием русской жизни, нельзя уже встретить обычаев, прямо несогласных с духом православной церкви; например, о шаманах и их участии в свадебных церемониях теперь нет и помину» и что в основе заключения якутского брака в большинстве случаев лежал экономический интерес: «выплата калыма, выдача приданого и обязанность возвращения их в случае расстройства брачного союза»⁵⁹. До конца XIX в. наряду с православным обрядом венчания продолжали существовать и традиционные формы заключения якутского брака (по сватовству, с отработкой калыма, с похищением невесты). Таким образом, нормы и традиции православия, постепенно привходя в повседневную жизнь якутов, переплетались с нормами обычного права⁶⁰.

В отчётах благочинных Якутского округа за 1860–1880-е гг. отмечалось, что даже в «голодные годы», годы неурожая хлеба и травы, когда якуты, «прибив наполовину свой скот, терпят во многом недостаток – усердие их к благолепию храмов Господних нисколько не оскудело»⁶¹. Атрибутами быта богатых якутов уже с начала XIX в. были выписываемые из Москвы иконы с серебряными киотами в ризах с позолотою⁶². Олёкминский благочинный Н. Запольский в 1861 г. утверждал, что «якуты благочестивы... нет ни одной юрты, где бы не

⁵⁶ Там же, ф. 226-и, оп. 1, д. 657, л. 33–35.

⁵⁷ Там же, ф. 226-и, оп. 1, д. 657, л. 33–35.

⁵⁸ Там же, ф. 237-и, оп. 1, д. 1, л. 21.

⁵⁹ *Павлинов Д.М.* Брачное право у якутов // *Павлинов Д.М., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г.* Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929. С. 49–57.

⁶⁰ *Борисов А.А.* Якутское общество и обычное право в XVII – начале XX в. М., 2002. С. 68.

⁶¹ НА РС (Я), ф. 225-и, оп. 1, д. 1579, л. 1.

⁶² *Попов Г.А.* Сочинения. Т. 4: Прошлое Якутии. Сборник материалов и документов по истории Якутской АССР. Якутск, 2009. С. 217.

было святых икон и нет почти ни одного дома, где бы в праздничные дни перед иконами не возжигались свечи и не курился фимиам», прихожане совершают утреннюю и вечернюю молитвы, приучают молиться детей, «при отправке в путь, сходя с коня, творят крестное знамение». При этом он отмечал, что они, «происходя от предков-язычников... не совсем ещё отстали от шаманства... но шаманы в их глазах не что иное, как и русские колдуны»⁶³. Благочинный церковью Якутского округа Д. Хитров указывал в середине 1860-х гг., что якуты стали «рачительны, против прежних годов в исправлении христианских обязанностей. Детей стараются крестить, хотя по отдалённости многие остаются некрещёнными до 2-х лет и более», и сообщал, что свадьбы в наслегах стараются приурочить к визиту священника, а напутствие умирающим иереев может совершить, если у прихожанина есть возможность послать за ним лошадь, и бедняки, как правило, умирают без христианского напутствия. Так же, как и Олёкминский благочинный, он указывал на наличие шаманов, но «инородцы их очень скрывают и даже для себя с трудом отыскивают... употребляют вместо фокусников для забавы»⁶⁴. Священники отмечали, что прихожане-якуты добры, гостеприимны, к «церкви усердны» и к духовенству «уважительны», живут в основном по-христиански, но посты не соблюдают – «что попадётся, то и едят», чтят православные праздники и «к святому Воскресению приезжают издалека в церковь»⁶⁵.

Сельские священники Якутии помимо своей основной деятельности выполняли обязанности писарей, третейских судей, учителей, врачей, а храм являлся культурно-информационным центром, где прихожане узнавали о событиях, происходивших в стране и в мире: войнах и стихийных бедствиях, смене императоров и т.д. При приходских церквях Якутии открывались первые школы и библиотеки, храмы становились центрами распространения земледелия и огородничества. В 1866–1868 гг. духовенство области добровольно, в качестве опыта, приняло на себя обязанности оспопрививания прихожан. Впоследствии церковные причты отказались от этой практики в связи с тем, что она отвлекала их от основных обязанностей служения, но во время поездок по своим приходам священнослужители вели разъяснительную работу о пользе прививок⁶⁶.

Вследствие особых условий проживания в Якутии организация приходской деятельности православной Церкви имела свою специфику. Создаваемые на основе строящихся храмов православные приходы в XVII–XVIII вв. не имели чётких территориальных границ, и служение в них было скорее миссионерским, нежели приходским. В первой половине XIX в. в связи с расширением влияния православия и увеличением численности крещённого населения края стал возможным переход к приходской организации. В условиях малочисленности мирских обществ и чиновничьего аппарата на огромной территории края православное духовенство являлось основным средством включения его жителей в европейскую (христианскую) цивилизацию и интегратором в российскую государственность. Климатические особенности обуславливали проживание крестьян только в южной и центральной Якутии. Немногочисленное якутское чиновничество пребывало в областном и окружных центрах, тогда

---

⁶³ НА РС(Я), ф. 225-и, оп. 1, д. 2448, л. 11–12.

⁶⁴ Там же, л. 33.

⁶⁵ Там же, л. 74.

⁶⁶ Попов Г.Л. Сочинения. Т. 1. С. 45.

как Церковь, особенно на севере, сама «шла к пастве», посылая миссионеров с походными храмами. Приходской священник в далеком, затерянном в бескрайней тундре или дремучей тайге приходе был зачастую единственным грамотным человеком, представлявшим иной, неведомый инородцам мир. Рядом с храмом, как правило, находились жилища только членов приходского клира, и одной из основных обязанностей причта был объезд своей паствы, проживавшей на значительной территории. Этими особенностями объясняется также нерегулярное исполнение прихожанами христианских обязанностей (исповедь, причастие) и наличие установленных церковной властью множественных исключений из общепринятых правил.

Тем не менее в Якутии постепенно складывались передаваемые из поколения в поколение православные традиции как элементы повседневной жизни и, учитывая кочевой и полукочевой образ жизни значительной части населения, именно храм являлся связующей нитью между затерянной на огромной территории оленеводческой общиной и мировой цивилизацией, представителем которой был священник. Для населения центральных и южных округов Якутии приход являлся возможностью приобретения знаний, в том числе сельскохозяйственных, педагогических и др. Первая школа, первая газета, первые переводы на якутский язык связаны с деятельностью церковных структур Якутии. Церковь первой откликнулась на народные бедствия (войны, засухи, неурожай и т.д.), обеспечивая сбор пожертвований. Приходская жизнь в Якутии не ограничивалась исполнением церковных треб, она состояла из разнообразных функций – идеологической, хозяйственной, учебной, медицинской, просветительской, переводческой и др.

Инкорпорация иноязычных этносов в состав государства в разных регионах происходила в различных исторических условиях. На территории Якутии, при малочисленности крестьянства и чиновничества, функции интеграции населения в состав государства выполняло, прежде всего, православное духовенство, а храм являлся культурно-информационным центром.